

ректора Академии наук, и в том же году Е. Р. Дашковой был разработан грандиозный план Российской Академии — нового учреждения, целью которого было изучение отечественного языка и литературы. В 1783 г. Российская Академия была открыта, и Е. Р. Дашкова была назначена ее первым президентом.

Более десяти лет Е. Р. Дашкова одновременно управляла Академией наук и Российской Академией, достигших при своем «доблестном начальнике» больших успехов в науке.

В достижениях Российской Академии и Академии наук конца XVIII в., в умении Е. Р. Дашковой при создании национальной науки опираться на передовую демократическую интеллигенцию, в понимании главных задач этой науки, без сомнения, сказались те мудрые беседы, которыми обогатил ее в Париже на улице Гренвиль французский просветитель, великий писатель, человек энциклопедических знаний — Дени Дидро.

В. П. СТЕПАНОВ

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ Д. И. ФОНВИЗИНА В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «НЕДОРОСЛЯ»

Фонвизин начал работать над «Недорослем» после первого заграничного путешествия. Первое сообщение о том, что комедия продвигается вперед и получается удачной, относится к июлю 1779 г. 11 числа начинающий поэт Михаил Никитич Муравьев сообщил об этом в Москву своему приятелю Д. И. Хвостову со слов актера и режиссера Санкт-Петербургского театра И. А. Дмитревского: «Денис Иванович пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич».¹ Из переписки аббата Пикара с его воспитанниками братьями Куракиными, путешествовавшими по Европе, мы знаем, что «Недоросль» был закончен в марте 1782 г.; однако, видимо, до сентября 1782 г., когда состоялось первое представление комедии в Петербурге, пьеса могла еще дорабатываться. Этот круг устных источников, включающий как литературную, так и нелитературную среду, показывает, что новый замысел Фонвизина ни для кого не был тайной. С течением времени, вероятно, становились известными и кое-какие детали будущей комедии, а возможно, и ее общего политического замысла. Одним словом, ожидаемое будущее выступление уже давно молчавшего драматурга должно было привлечь вновь внимание к нему.

¹ ПД, ф. 322, № 59, л. 44. См. также: Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 151; Русские классики и театр. Л.; М., 1947, с. 87.

Давно и достаточно полно выяснен вопрос о том, какое противодействие встретил «Недоросль» со стороны официальной театральной дирекции и цензуры, действия которых, как предполагается, отчасти направлялись рукой императрицы.² Менее известно, в каких условиях, при каком отношении культурной части общества к Фонвизину оформлялся замысел комедии.

Этот отрезок биографии Фонвизина довольно темен. Лишь отрывочные и не всегда внушающие доверие рассказы о Фонвизине в эти годы сохранились в записях, сделанных П. А. Вяземским со слов современников писателя.³ В 1777 г. он выпустил перевод «Похвального слова Марку Аврелию» А. Тома; в 1779 г. — перевод «Та-Гио, или Великой науки...». Оба перевода аллюзионно пропагандировали просветительские представления об «истинном» монархе и вышли анонимно.⁴ Более до 1783 г. Фонвизин ничего не печатал. Причиной этого была изменившаяся общественно-политическая ситуация. Круг Никиты Панина, к которому принадлежал Фонвизин, испытывает в это время все усиливающееся правительственное давление. За периодом острой политической борьбы придворных группировок, связанной с достижением совершеннолетия наследником вел. кн. Павлом Петровичем (в сознании следующего поколения она отложилась даже как «заговор» против Екатерины),⁵ внешне наступило затишье. Но оставляя Панина во главе Коллегии иностранных дел, Екатерина фактически держала под контролем даже рутинную работу его канцелярий. На государственные, в том числе и внешнеполитические, дела все возрастающее влияние оказывал Г. А. Потемкин. Работая вместе с Фонвизиним над «Рассуждением о непременных государственных законах», Панин практически оформлял свое политическое завещание. Оппозиция панинской группы, и это было ясно ее участникам, уже не имела будущего. Что касается Фонвизина, то для него это было время интенсивной внутренней работы, в процессе которой окончательно оформлялись его общественные убеждения. В качестве политической программы «Рассуждение» было опасным, а поэтому тайным, тщательно оберегаемым документом. Однако оно излагало взгляды, длительно вызревавшие в панинском кружке, и его общие мысли не могли не стать более или менее широко известными. Отрывочное, популярное их изложение мы

² Троянский М. П. К сценической истории комедий Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» в XVIII в. — В кн.: Театральное наследство. М., 1956, с. 10 и след.

³ Вяземский П. А. Фонвизин. СПб., 1848; 2-е изд. СПб., 1880 (Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. 5). Далее ссылки на это последнее издание.

⁴ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л., 1964, с. 171—174, 195—197. Атрибуция и комментарий к «Та-Гио» принадлежат П. Н. Беркову (Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959, т. 2, с. 674—679).

⁵ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 134—137; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 93—131.

находим и в литературных сочинениях Фонвизина, где исследователи проследили непосредственную, иногда текстуальную связь между «Рассуждением», с одной стороны, а с другой — монологами Стародума и письмами заграничного путешественника.⁶ У Екатерины II были все основания не успокаиваться, а завершать борьбу, только лишь иными средствами. В развернутой императрицей кампании по дискредитации Панина в качестве руководителя иностранных сношений России под обстрел попадали и те служащие его ведомства, которые были ему более близки и на которых он опирался. С этой точки зрения весьма характерны отзывы о Д. И. Фонвизине в дневнике французского дипломата Корберона, не использованные биографами писателя.

Вскоре после своего приезда в Петербург Корберон среди заметок о ежедневных делах и времяпрепровождении между прочим записал под 5 сентября 1776 г.: «После ужина произошла маленькая стычка между мною и Альбертиною по поводу ее любимцев, братьев Визиных. Один из них довольно образован, но ошибочно мнит себя большим умом; второй помоложе, не так учен, но обладает более правильною, хотя грубой и невыразительною, наружностью, страшно изнежен, беспечен как султан и имеет твердое, впрочем, свойственное этой стране убеждение в достоинстве подобных качеств. Оба они довольно грубые фаты, довольно дурного тона, которые были бы на своих местах, один в храме Фемиды, а другой в провинциальном гареме». Человек в высшей степени светский, как это и полагалось дипломату в XVIII столетии, к тому же по роду службы внимательно изучавший придворные мнения и слухи, Корберон в этой нелестной зарисовке явно отражает ту враждебную изоляцию, в которой находился Фонвизин при дворе уже к середине 1770-х гг.

Спустя четыре года, 31 августа 1780 г., Корберон заносит в дневник замечание насчет лени и служебной бездеятельности Н. И. Панина. Этот его отзыв вполне согласен с мнением, которое в шутливой форме распространяла о своем министре императрица: «умрет, если когда-нибудь поторопится» (*si jamais il se hâte*).⁷ Одновременно Корберон задевает здесь и помощников Панина, вновь особо выделяя Фонвизина: «Его (Панина) главные чиновники работают не больше его и проводят время за карточной игрой, проигрывая невероятно много, до шестисот рублей в вечер. Это случается с Визиным, советником его канцелярии».⁸

⁶ Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура. — В сб.: Русские классики и театр. Л.; М., 1947, с. 68—70, 83.

⁷ Сочинения Екатерины II. СПб., 1907, т. 12, с. 653. Об отношении императрицы к Панину и его окружению, в том числе и к Фонвизину, см. также: Берков П. Н. Театр Фонвизина. ..., с. 48—50.

⁸ Здесь и выше цитируем по русскому переводу записок в журнале «Русский архив» (1911, кн. 2, с. 94, 193).

Второй отзыв несомненно относится к Денису Фонвизину, который был пожалован канцелярии советником в 1779 г. В первом случае младший из братьев — это Павел Иванович, служивший в то время при той же Коллегии иностранных дел заграничным курьером. Впоследствии директор Московского университета, он в молодые годы был не чужд литературным занятиям. Наибольшей популярностью пользовались его переводы «Моральных сказок» Мармонтеля, первые в России, выдержавшие ряд изданий под названием «Нравоучительные сказки». Хотя Павел Иванович был всего на год моложе старшего брата, в 1776 г. он еще не был женат, вел вполне светский образ жизни и отличался склонностью к «амурным» похождениям. «Его сердце в рассуждении нежной страсти на мое непохоже. Я верен, яко горлица», — так сравнивал Д. И. Фонвизин в письме к сестре характеры брата и свой.⁹

В записи Корберона примечательно то незначительное, казалось бы, обстоятельство, что ему приходится спорить и опровергать мнение о Фонвизине своей светской знакомой. Действительно, сохранились предания о необычайной притягательности фонвизинского остроумия, любезности и одушевленности его беседы. Они были записаны Вяземским от знавших драматурга людей уже в отсветах его посмертной славы.¹⁰ Справедливость их, однако, удостоверяют и прижизненные отзывы современников. Тот же М. Н. Муравьев писал отцу из Петербурга о встрече с Фонвизиним в столичном Музыкальном клубе, членами которого они оба были: «Разговаривал с Д. И. Фонвизиним, *bel-esprit de plus hupés de la ville*».¹¹

Однозначно неприязненная зарисовка Корберона отражает ту борьбу вокруг Фонвизина-писателя, которая перерастала в личные нападки на него как на человека, переносилась в салоны и гостиные.¹²

Крайне мало известно об отношениях Фонвизина в эти годы с писателями-современниками, хотя вопрос о литературном окружении писателя имеет первостепенное значение и всегда привлекал внимание исследователей. Лишь в последние годы было подтверждено существование связей между Фонвизиним и литераторами, объединившимися вокруг журнала «Санктпетербург-

⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 351. Письмо 1770 г. к сестре из Петербурга.

¹⁰ Вяземский П. А. Фонвизин, с. 164—166.

¹¹ ПД, Р. II, оп. 1, № 262, л. 1 об. (Перевод: «одним из самых плодотворных остроумцев в столице»).

¹² Несколько подобных анекдотов, широко распространявшихся и явно имевших целью скомпрометировать Фонвизина, приводит П. А. Вяземский в своей книге. Таковы рассказы о Потемкине и Фонвизине, который будто бы намеревался в определенный момент предать своего «благодетеля» Н. И. Панина и переметнуться в лагерь нового фаворита Г. А. Потемкина, или слухи о неблагоприятном поведении писателя в связи с его женитьбой на Роговиковой (Вяземский П. А. Фонвизин, с. 72, 158—159).

ский вестник». Единоличным издателем и редактором «Санктпетербургского вестника», выходявшего с 1778 по 1781 г., долгое время считался малоизвестный переводчик, впоследствии дипломат Г. Л. Брайко, литературная продукция которого крайне невелика.¹³ Сравнительно недавно, однако, выяснилось, что роль Брайко в журнале, видимо, была формальной, а решающая роль по существу дела принадлежала Я. Б. Княжнину. Какое-то влияние должны были оказывать на направление журнала Н. И. Новиков, М. М. Херасков и печатавшиеся в журнале участники так называемого «львовско-державинского» кружка.¹⁴

Вряд ли в этом кругу у Фонвизина были прямые единомышленники. Он включал людей разного уровня общественного сознания, ориентировавшихся на разные придворные и политические партии. Их творческие устремления, эстетические вкусы, литературная манера далеко не во всем совпадали со взглядами создателя русской реально-бытовой сатирической комедии. Тем не менее это оказалась дружественная Фонвизину литературная среда, дававшая ему моральную опору и в этом смысле необходимая любому писателю.

По немногим отрывочным сведениям можно заключить, что отношения Фонвизина с младшим поколением писателей были прежде всего литературными. Например, в бумагах баснописца Я. И. Хемницера сохранился список с фонвизинского «Послания к слугам». Внесенные сюда рукою Хемницера замечания по типу своему точно такие, какие делались на дружеских обсуждениях произведений членов кружка; аналогичные коллективные поправки и соображения встречаются в рукописях Державина, Капниста, Львова и самого Хемницера. С другой стороны, в 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» Фонвизин, повторяя прием А. П. Сумарокова, выступил с «Челобитной Российской Минерве от российских писателей». Уволенный от заведования Российским театром Сумароков в сатирическом прошении к Мельпомене впервые публично объявил читателям, «приемлющим Российского Парнасса участие», свои жалобы на притеснения, которым подвергаются русские писатели от вельмож и придворных.¹⁵ Как у Сумарокова за Мельпоменой прозрачно просматривалась имп. Елизавета Петровна, так и у Фонвизина, вышедшего в отставку после смерти Панина, «челобитная» является упреком Екатерине II. Непосредственным поводом для ее сочинения и публикации послужило исключение

¹³ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952, с. 348.

¹⁴ Западков В. А. Державин и Муравьев. — В кн.: XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1960, с. 246—249; Кулакова Л. И. Новиков в письмах Муравьева. — В кн.: XVIII век. Сб. 11. Л., 1976, с. 17; Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. — В кн.: XVIII век. Сб. 12. Л., 1979, с. 225—241, особенно с. 230—231, 235—236.

¹⁵ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. СПб., 1782, т. 6, с. 284—287,

со службы Державина, только что выступившего с одой «Фелице». Как Сумароков в первую очередь целил в своего главного врага К. Е. Сиверса, так и Фонвизин обратил жало своих насмешек на начальника Державина кн. А. А. Вяземского.

Печатный отклик Фонвизина на державинское дело никак нельзя считать случайным. По нормам литературного быта и полемик XVIII в. он доказывает литературную, кружковую близость с Державиным и его друзьями.¹⁶ Она проявилась и в рукописной полемике, вспыхнувшей вокруг Фонвизина в 1781 г.

П. А. Вяземский полтора года назад в приложении к «Фонвизину» напечатал «Послание к творцу послания, или копию к оригиналу», начинавшееся стихами:

Посланий образец, людских умов безмен,
Пернасса Капитан-исправник, почты член.
Пред коим без вины рассудком виноваты
И те, кто скудны им, и те, кто им богаты...¹⁷

Сатира обращена к Фонвизину и воспроизводит форму, размер, приемы, отчасти лексику фонвизинского «Послания к Ямщикову». До нас дошло два отрывка из этого послания; полный текст его до сих пор не обнаружен, но оно было явно завершено Фонвизиным, ходило в рукописи и произвело литературный скандал. М. Н. Муравьев, вспоминая о времени вступления своего в «звание» писателя и «эпохе своей недолговечной Музы», упомянул стихотворение Фонвизина в числе других примечательных событий: «Гордый Петров приневоливал Вергилиеву Музу пить невскую воду, Фонвизин унижал свое колкое остроумие „Посланием к Ямщикову“, Капнист ссорился с рифмократателями...»¹⁸ Литературный вкус был шокирован, как можно судить по сохранившемуся тексту, низким предметом и низким стилем послания, обращенного к безграмотному площадному стихотворцу «не для печати». Это обстоятельство и давало благодарные возможности для пародирования. Автором сатиры на Фонвизина был Александр Семенович Хвостов. Дата ее создания

¹⁶ П. Н. Берковым было высказано предположение, что Фонвизин выступил в журнале «Санктпетербургский вестник» со статьей, направленной против «Сатиры I» В. В. Капниста; однако приведенную им аргументацию в пользу принадлежности Фонвизину криптонима «Д.» нельзя признать убедительной (Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в., с. 353).

¹⁷ В первом издании «Фонвизина» (1848) текст «Послания» был напечатан с пропусками. Полностью он воспроизведен при перепечатке книги в «Полном собрании сочинений» Вяземского (СПб., 1880, т. 5, с. 216—220). Пользуемся списком XVIII в. (ПД, ф. 285, оп. 3, № 107), более, вероятно, близком к подлиннику. В частности, здесь сохранился стих «Тот сколько ни божись, что явьяка он...», получивший отклик в анонимном возражении: «Я возгнушался вашим слогом, нашед в вашем послании явьяку и прочие кабажные термины» и отсутствующий у Вяземского (см.: Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 280).

¹⁸ Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967, с. 44.

устанавливается по целому ряду списков — 4 июня 1781 г. В сатире одно за другим последовательно перебирались личные качества Фонвизина и давался резкий критический обзор его произведений, созданных до «Недоросля»; сочинитель проявил здесь хорошую осведомленность, включив в свой перечень даже ненапечатанное.

Вяземский рассматривал «Послание к творцу послания» главным образом как пародийную шутку. Откровенную, вплоть до прямой грубости резкость некоторых выражений в сатире пытались также объяснить как результат старой личной неприязни Хвостова к Фонвизину. Под непосредственным началом Фонвизина ему пришлось служить в первой половине 1770-х гг. в Коллегии иностранных дел, В. С. Хвостов, его младший брат, оставивший воспоминания, сообщает, что «по пылкости своего ума» он не ужился с начальником. Высказывалось также предположение, что «Послание» являлось ответом на остающийся неизвестным литературный демарш Фонвизина против Хвостова.¹⁹ Все эти объяснения в какой-то мере правдоподобны. Недостаток их состоит в том, что они не учитывают в полной мере содержание сатиры и биографию ее автора.

Книга Вяземского, несмотря на свою документированность, не была исследована в прямом смысле. Основная ее проблематика прямо связана с литературной борьбой 1830—1840-х гг., когда Вяземский выступал непримиримым противником разночинной «торговой» литературы. Суждение его о «литературных несогласиях» XVIII в. как о «рыцарских поединках, в которых действовали одним законным и честным оружием... бескорыстные бойцы, а не наемники», является сознательной идеализацией прошлого и не соответствует действительности.²⁰ На самом деле многие литературные полемики, начиная со споров Сумарокова и Ломоносова, обуславливались глубокими и непримиримыми разногласиями не только литературного характера между складывавшимися в русском обществе партиями.²¹ Г. П. Макогоненко в монографии о Фонвизине справедливо указывает, что и «Недоросль» при своем появлении подвергся не только правительственным гонениям, но и вызвал негодование определенной части дворянства.²² Если обратиться к совокупности фактов, связанных с появлением сатиры Хвостова, то это неожиданное нападение на Фонвизина приобретает более широкий смысл, чем факт личного мщения.

Александр Семенович Хвостов более всего известен по своей близости с А. С. Шишковым и как один из организаторов «Беседы любителей русского слова», председатель ее III Разряда.

¹⁹ Русский архив, 1870, № 3, с. 554; Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 277; Русские классики и театр. Л.; М., 1947, с. 18.

²⁰ Вяземский П. А. Фонвизин, с. 167.

²¹ См. общую постановку вопроса в кн.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.; Л., 1936.

²² Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 261.

Он славился острословием, правда, уже несколько устаревшего образца. Вяземский в «Старой записной книжке» припомнил слова К. Н. Батюшкова о Хвостове: «Он сорок лет тому сочинил книгу ума своего и до нынешнего дня все еще читает по ней». «Впрочем, — добавляет Вяземский, — А. С. Хвостов был остер, и некоторые из его шуток были весьма удачны».²³ Особенный успех имели колкие эпиграммы Хвостова на его двоюродного брата графа Д. И. Хвостова, которые в известном смысле стоят у истоков репутации последнего как бездарного графомана.

С 1804 по 1820 г. А. С. Хвостов занимал должность директора Дворянского заемного банка в Петербурге, имел чин тайного советника и принадлежал к высшему слою бюрократии. Однако начало биографии этого почтенного чиновника было не таким благополучным. В 1764 г., когда Хвостову было 11 лет, его отец попал под следствие за растрату казенных сумм; его исключили из военной службы, и он вынужден был поступить экономом в Академическую гимназию. Здесь на казенном коште в отделении для разночинцев пришлось обучаться и его сыновьям. Склонность к литературе определилась у Хвостова еще в студенческие годы. Один из его учебных переводов, комедия «Андрьянка», был напечатан в первом томе собрания пьес Теренция (1773), из античных комедиографов наиболее почитаемого в век классицизма. Однако Хвостов улавливал изменение читательских вкусов, и вслед за этой традиционной работой появился выполненный им первый в России перевод из Н. Ретифа де ла Бретона, роман «Ножка Фаншеттина, или сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть» (1774).

Начиная с малого, с должности переводчика иностранной коллегии, Хвостов явно не желал тянуть служебную лямку, а старался всячески ускорить свою карьеру. Кончается фавор Орловых, и он быстро ссорится с С. В. Перфильевым, покровительством своим отцу и всему семейству. Начинает закатываться звезда Паниных, и в 1777 г. он оказывается в роли сенатского секретаря при канцелярии генерал-прокурора А. А. Вяземского, враждебно относившегося к Паниным. В 1779 г., запутавшись в долгах, Хвостов переходит на военную службу, сразу в чине подполковника — примета сильной протекции. Командуя полком, он участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг.; пользовался вниманием А. В. Суворова и дружеским отношением М. И. Кутузова, но, как только представилась возможность, после дипломатической миссии Кутузова и заключения мира в 1791 г. уехал в Константинополь русским поверенным в делах. От этого времени за ним тянулась темная история, связанная с какими-то пропавшими суммами, предназначенными для французских эмигрантов и не дошедшими до них. О ней озлобленно упоминает Д. И. Хвостов в одной вялой эпиграмме, изливая раздражение

²³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. 8, с. 240; 1884, т. 9, с. 15.

по поводу полемических наскоков своего родственника:

Конечно, граф Хвостов в дарах Хвостова ниже:
Об этом ведают в Царьграде и Париже:
Известный в наши дни посольством при дворах,
Любитель Греции, защитник Перяндра,
Писатель Шуазель Хвостова Александра
Европе показал в разительных стихах.²⁴

Будто бы сама императрица была недовольна поведением Хвостова. По возвращении он действительно оказался не у дел, а при Павле был вообще отставлен от службы. В это время Хвостов несколько фрондировал в кругу старых знакомых — А. В. Храповицкого, Державина.²⁵ Спокойная и ровная жизнь началась для него только в александровское время.

Зарекомендовав себя первыми печатными переводами, Хвостов в середине 1770-х гг. попадает в писательскую среду. В 1777 г. М. Н. Муравьев встречает его в салоне Херасковых: «По случаю зашел к Николаю Ивановичу Новикову, у него обедал и с ним после обеда пошли к Михайле Матвеевичу, у которого весело ужинали. Тут вместе было множество моих старых знакомых. . . Тут были Васильев Алексей Иванович, который по-старому шутит, Храповицкий, Тургенев <Иван Петрович>, который скоро опять едет в Крым, Хвостов, сенатский переводчик, с которым я еще в Академии учился. . .»²⁶ Наиболее тесные отношения завязываются с Н. А. Львовым, И. И. Хемницером, В. В. Капнистом. Д. И. Хвостов вспомнил об этом, составляя примечания к стихотворению «Живописцу моему», обращенному к Тончи, написавшему его портрет для залы заседаний Российской Академии. В нем, предупреждая насмешки своего «родича» (граф Д. И. Хвостов был далеко не красавцем), он сделал в его адрес несколько комплиментов:

Шутливый родич мой вдруг видит свет и тень,
Пирроном быть его не допустила лень,
На долгих на Парнас, судей бояся строгих,
Скорей других попал, и далее был многих.

В пояснении к этим строчкам он говорит: «Хвостов описывал в одном обществе стихами портреты Державина, Капниста, Хемницера и других стихотворцев. Н. А. Львов отвечал Хвостову, что он мог быть один Державиним и Хемницером, но помешала лень. Впрочем, сии стихи рукописные».²⁷

Граф Д. И. Хвостов точно передает содержание экспромта Львова «Хвостов, краскою своею Ты нас всех троих списал», полученного Я. К. Гротом от А. П. Кожевникова и напечатан-

²⁴ Русская старина, 1892, № 7, с. 96.

²⁵ Частично стихотворная дружеская переписка этих лет опубликована в сб. «Раут» (М., 1854, кн. 3).

²⁶ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 297.

²⁷ Хвостов Д. И. Собр. соч. 3-е изд. СПб., 1829, т. 3, с. 63, 164.

ного при собрании сочинений Державина.²⁸ Вероятнее всего, стихи были ответом на какое-то дружеское послание членам кружка. Державин в своих «Записках» рассказывает, как в 1777 г. он и А. Хвостов выступали в качестве секундантов на окончившейся бескровно дуэли А. В. Храповицкого с Окуновым. Недовольный слишком быстрым примирением противников, А. С. Хвостов стал задирать Державина, и дело чуть не обернулось дуэлью между секундантами. Однако участники происшествия быстро опомнились, и все завершилось приятельской пирушкой.²⁹ По сообщению того же Державина, около 1779 г. в доме А. С. Хвостова происходило критическое обсуждение его оды «Успокоенное неверие», и он переделывал ее для печати по замечаниям Львова, Капниста и А. С. Хвостова.³⁰ Трудно представить себе, что при такой близости Хвостову не были известны литературные симпатии и антипатии львовского кружка.

Внезапный разрыв отношений наступил в 1780 г. В июльской книжке «Санктпетербургского вестника» Капнист опубликовал «Сатиру I», в которой поставил имя А. С. Хвостова в одном ряду с продажным сервильным стихотворцем В. Г. Рубаном и бездарным одописцем Я. Кантаровским. Имена в сатире были почти не зашифрованы:

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном?
Не ставить на подряд за деньги гнусных од?

.....
Котельский, Ипкошев, Вларькин, Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампаровский...³¹

Упоминание в таком контексте для Хвостова должно было быть особенно оскорбительным, т. к. его шутивная ода «Хочу к бессмертью приютиться» пользовалась довольно широкой рукописной известностью. Последующую публикацию «Оды» в «Собеседнике любителей русского слова» сопровождало примечание приславшего ее в журнал «молодого служивого»: «Некоторый из приятелей и товарищей моих сочинил несколько лет тому назад оду, которая еще никогда не была напечатана, хотя той чести по мнению многих и достойна».³² К 1780 г. относятся по край-

²⁸ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1870, т. 3, с. 320.

²⁹ Там же, т. 6, с. 520.

³⁰ Там же, т. 1, с. 46, 366.

³¹ Капнист В. В. Собр. соч. М.; Л., 1960, т. 1, с. 73. Упоминание обычно относилось к графу Д. И. Хвостову, в соответствии с его позднейшей репутацией (см.: там же, с. 708). Это ошибка: до 1780 г. Д. И. Хвостов не только не печатался, но и как поэт не был сколько-нибудь известен. Другие имена расшифровываются как Ф. Я. Козельский, Н. П. Николев, И. Владыкин, А. П. Фрязиновский, А. О. Аблесимов, М. И. Вережкин, Я. Кантаровский.

³² Собеседник любителей русского слова, 1783, ч. 10, с. 165. Впрочем, не исключено, что сопроводительное письмо представляет мистификацию самого А. С. Хвостова, к этому времени находившегося в южной армии.

ней мере три эпиграммы Хемницера, самого мягкого и незлобивого члена кружка, направленные против Хвостова. Из них выясняется, что Хвостов неожиданно переменяет отношение к своим друзьям, в частности, принялся публично «ругать» стихи Львова, которыми ранее с жаром восхищался. Хемницер еще не определяет здесь точно мотивы поступка Хвостова; он колеблется, чем его объяснить — легкомыслием, отсутствием литературного вкуса или природным лицемерием. Однако лейтмотив «выгоды», которая заставила его сначала «подслужиться», а потом порвать с кружком, уже присутствует в одной из эпиграмм:

Потом, как Львов ему не надобен уж был,
Не только клевету Хвостов на Львова взносит,
Но Львовы и друзей его стихи поносит.

Не вполне ясно, когда написана четвертая эпиграмма, подобно первым двум в рукописи не датированная:

Узнавши, что Хвостов к Шумилу посланье,
Рассудку здоровому и вкусу в порицанье,
Твореньем ничего не стоящим считал,
Я в том винил было сперва его незнанье;
Да некто мне растолковал,
Что глупость эту он в каникулах сказал.³³

По содержанию она не обязательно является откликом на «Послание» Хвостова, где дается широкая, как бы всеобъемлющая оценка творчества Фонвизина и где его «Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» упоминается в ряду прочих произведений. Допустимо предположить, что, как и в других эпиграммах, Хемницер в этой откликнулся на устные слухи и что весь цикл относится приблизительно к одному времени. Дело в том, что, когда «Послание к творцу послания» стало расхожиться в списках, ситуация для Хемницера стала много яснее и он оценил ее более определенно. В стихотворении «Письмо» (середина 1782 г.), вероятно, обращенном к Капнисту, он прямо говорит о том, что Хвостов был подкуплен, чтобы «бранить» Фонвизина.

Хвостов подкуплен был Фонвизина ругать,
Я передам ему, чтоб больше не бранился,
Стихи бы не срамил и сам бы не срамился:
«Чем больше будешь ты Фонвизина бранить,
Тем больше будешь ты его чрез брань хвалить.
Ты сам его, скажу, хоть втайне считаешь,
Да вьявь затем бранишь, что плату получаешь».

Еще откровеннее обвинение звучало в первоначальном прозаическом плане этой сатирической эпистолы: «Если найдется довольно низкий и злой человек, который захочет подрядить, например, Хвостова за высокую плату писать пасквили на хоро-

³³ Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963, с. 217—218.

шего писателя, положим, на Фонвизина или на кого-нибудь другого, то я ему дам вдвое, чтобы он этого не делал. И я буду иметь удовольствие обезоружить деньгами как того, кто подстрекнул автора пасквиля, так и самого пасквилянта».³⁴ Если отвлечься от моральных оценок, которые дает посылку Хвостова Хемницер, остается четкое впечатление, что Хвостов в этой полемике был орудием в чужих руках. Сохранилось и другое сочинение, подтверждающее такое мнение. Это прозаическое письмо анонима против Хвостова в защиту Фонвизина, известное под названием «Возражение Фонвизина», но вряд ли ему принадлежащее. В нем точно так же говорится, что Хвостов ласкается покровительством знатных людей и напрягает «весь бедный свой умишко рассмешить их шутками».³⁵ Вообще же откликов на «Послание» было больше, и не все они столь резко осуждали его автора. Об одном из не дошедших до нас стихотворений сообщал в письме Д. И. Хвостову, находившемуся в Москве, тот же летописец петербургской литературной жизни М. Н. Муравьев 10 августа 1781 г.: «Здесь покуда Хвостов и Нелединский. Последний, сказывают, писал пьесу в стихах на послание первого. Порицает род письма, хваля остроумие. Зачем, говорит ему, не поешь ты славы русской, как били турок мы неверных... придумайте гемистишь по-русски, по-военному, по-Неледински...»³⁶ Произведение, сколько-нибудь похожее на издаваемую Муравьевым программу, отсутствует не только среди опубликованных сочинений Ю. А. Нелединского-Мелецкого, но и в более полном рукописном сборнике «Стихотворения», хранящемся в Пушкинском Доме.³⁷ Вряд ли возражение Нелединского Хвостову было принципиальным и резким. Во всяком случае на их дружеских отношениях оно никак не отразилось; они продолжались до последних дней жизни Хвостова. Любопытные заметки по этому поводу оставил племянник А. В. Храповицкого Н. В. Сушков, который знал этих людей уже в старости. «Забавно было видеть с пим <Хвостовым> и Ю. А. Нелединским-Мелецким — А. С. Шишкова. Мне случалось быть свидетелем дружеских бесед этих трех умных и просвещенных стариков на вечеринках у Хвостова, на которые он иногда приглашал и меня. Шишков, всегда чинный и холодный, со строгим лицом, с угрюмо отвислою губой; Нелединский, живой, веселый, открытый, как юноша; Хвостов — остряк и балагур... Один рассказывает и упоминает нецеломудренные анекдоты и случаи, другой отпускает не совсем назидательные двусмысленности; Хвостов и Нелединский оживляются, молодеют; разговор становится также все моложе и вольнее; рассеянный Шишков многое пропускает...»³⁸

³⁴ Там же, с. 179, 336.

³⁵ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 279.

³⁶ ПД, ф. 322, № 59, л. 59.

³⁷ ПД, ф. 265, оп. 2, № 1772. — Сб. «Стихотворения Нелединского-Мелецкого».

³⁸ ПД, шифрованный фонд, № 15897, л. 5—6.

Вопрос о том, кто инспирировал полемическое выступление Хвостова, как кажется, решается однозначно. Его протектором и благодетелем был князь А. А. Вяземский, связь с которым не прервалась и после того, как Хвостов ушел из Сената. В автобиографии графа Д. И. Хвостова рассказывается, что около 1782 г. оба брата по просьбе Вяземского переводили интересовавшие его французские сочинения. По-видимому, между ними существовало своеобразное разделение труда. В числе исполненных работ Д. И. Хвостов называет свой перевод «Трактата о финансах» Неккера: Вяземский в качестве генерал-прокурора контролировал государственный бюджет. На долю А. С. Хвостова оставались литературные сочинения, среди них «Орлеанская девственница» Вольтера.³⁹ По словам Державина, Вяземский «был охотник до романов, и Державин («Объяснения» Державина написаны от третьего лица), поступив к нему на службу, часто читал ему вслух подобные книги».⁴⁰ Однако это литературное любопытство было своеобразным. «Стихотворство» Вяземский в общем считал «праздную забавою» и «говорил про тех, которые писали стихи: „Когда им заниматься делами, когда у них рифмы на уме?“ и вообще он думал, что стихотворцы к делам неспособны».⁴¹ Конфликт Вяземского с Державиным после успеха оды «Фелице» и дальнейшие их служебные столкновения между тем показывают, что дело обстояло не так просто и не сводилось к элементарному предубеждению. Генерал-прокурору прежде всего не нравилось, что благодаря литературному успеху писатель приобретал общественное влияние, а вместе с ним некоторую независимость. В отличие от Екатерины II, умевшей и любившей вербовать писателей на свою сторону, Вяземский в своих отношениях с литераторами не отличался тонкостью, а к литературе в целом испытывал крайнюю подозрительность. Княгиня Е. Р. Дашкова, организатор и редактор журнала «Собеседник любителей русского слова», жаловалась в мемуарах: «Во всякой статье, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою, кн. Вяземский непременно видел намеки на себя или на свою жену».⁴² Впрочем, в данном случае у него были основания для опасений. Дашкова, любимая племянница Н. И. Панина (молва даже считала их любовниками), ненавидела Вяземского, и вряд ли без ее ведома появилась в «Собеседнике» «Челобитная» Фонвизина. Современники легко узнали князя в описании «самого знаменитого» из невежд, ум которого «суть жалованный, а не родовой, и по статным спискам всегда справиться можно, кто из них и в какой торжественный день пожалован в умные люди».⁴³ Намек относился к назначению Вяземского генерал-прокурором

³⁹ Русская старина, 1892, № 6, с. 572—573.

⁴⁰ Державин Г. Р. Соч., т. 1, с. 98.

⁴¹ Там же, с. 78, 106.

⁴² Цитируется по переводу в комментарии Я. К. Грота (Державин Г. Р. Соч., т. 1, с. 155).

⁴³ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 269.

в 1764 г., которое было воспринято всеми с удивлением: он имел репутацию человека весьма ограниченного. Императрица, борющаяся в это время с казнокрадством, выдвинула его как человека честного и не замешанного во взяточничестве. Он отблагодарил ее исключительной преданностью, точным и последовательным проведением ее политики в течение всего долгого пребывания на важном посту руководителя Сената. С точки зрения Екатерины Вяземский был такой личностью, которая могла и должна была противостоять попыткам коренных реформ, и прежде всего панинским планам преобразования Сената и создания Императорского Совета. Ходом событий, таким образом, он с самого начала сделался постоянным оппонентом Никиты Панина. Панины со своей стороны противодействовали Вяземскому, насколько это было в их силах. Державин, например, переменявшееся отношение к нему Панина, неблаговолившего к поэту с пугачевского бунта, связывал только с желанием досадить своему врагу.⁴⁴ Характерно, что среди разрозненных стихотворений Хемницера есть эпиграмма «На князя В.» Она представляет вариацию на тему притчи А. П. Сумарокова «Посол осел» и высмеивает вельможу, шутки которого грубы, потому что он не видит разницы между грубостью и остроумием.⁴⁵ Думаем, что она относится к Вяземскому. Он был надменен и груб с нижестоящими, а также отличался отсутствием чувства юмора. Самый примечательный в этом плане анекдот о нем связан с историей изготовленного для здания Сената по программе Н. А. Львова барельефа, который изображал «нагую Истину». Увидев его, Вяземский приказал Истину прикрыть, сказав, что «соблазнительно видеть ее господам сенаторам».⁴⁶

Выступление Хвостова со своей сатирой на Фонвизина не только хронологически, но и по существу совпадает с заключительным этапом борьбы Екатерины II против оппозиционной панинской группировки. В данном случае сатира послужила оружием для дискредитации самого талантливого ее участника.

Здесь уместно коснуться вопроса о характере меценатства в России XVIII в. Тредиаковский и Куракин, Ломоносов и Шувалов, Фонвизин и Панин, Петров и Потемкин, Радищев и Воронцов — эти связи писателей с государственными деятелями составляют неотъемлемую часть картины литературного быта. В прошлом из этого заключали об особом внимании высшего дворянства к развитию родной культуры. Впоследствии связывали меценатство с общим сервилльно-пансгирическим характером дворянской литературы. Только советское литературоведение, обратившись к социальному анализу культурных явлений, установило, что литература XVIII в. была глубоко публицистичной и активно вмешивалась в политическую борьбу. Особое раз-

⁴⁴ Державин Г. Р. Соч., т. 6, с. 581.

⁴⁵ Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений, с. 222.

⁴⁶ Державин Г. Р. Соч., т. 3, с. 485.

витие меценатство получает в послепетровскую эпоху, когда начало складываться независимое от правительства общественное мнение, и исчезает в начале XIX в. Можно думать, хотя этот совсем неисследованный вопрос еще подлежит всестороннему историческому изучению, что оно не было внешним атрибутом пышной и широкой жизни аристократии, а вызывалось к жизни особенностями идейной борьбы в XVIII в.

Перед вельможами и фаворитами, политиками и придворными вставали определенные цели и задачи, иногда широкие и долговременные, иногда сиюминутные и личные. В их руках была сила и власть. Но для пропаганды концепций и планов требовались люди, владеющие словом. Кроме того, только в изложении писателя идеи утрачивали связь с конкретным заинтересованным лицом и приобретали независимое общественное звучание.

Это не значит, что писатели XVIII в. выражали не свои собственные взгляды, а лишь служили замыслам аристократических партий: здесь были разные степени свободы и разные уровни зависимости. Но союзы между литературой и политикой, основанные на временном единстве целей, возникали закономерно. История с появлением «Послания к творцу послания» — один из примеров литературной полемики с политической подоплекой. Может быть, «Надменин», упоминаемый Д. И. Хвостовым в «Послании к Разуму» —

Лишь «Недоросля» нам Фонвизин написал,
Надменин автора исподтишка кусал;
Тут стрелы злобные отвсюду полетели... —

и есть намек на А. А. Вяземского, который с 1780 г., по свидетельству Державина, окончательно присоединился к партии Г. А. Потемкина.⁴⁷

Таковы были причины выступления против Фонвизина. Однако Хвостов в «Послании к творцу послания» не затрагивает ни идейную сторону произведений Фонвизина, ни его литературные взаимоотношения; по этому поводу в сатире нет ничего, кроме косвенного иронического упоминания о неких «знатоках», которые им восхищаются. Содержание сатиры составляет осмеяние непомерного самодобия Фонвизина-писателя, подтверждаемое указанием на литературные недостатки его сочинений. Фонвизин изображен в ней своего рода нигилистом, отрицающим какое бы то ни было достоинство Сумарокова и Ломоносова, не говоря уже о современниках.

За что российские писцы тебе не нравны?
По истине за то, что достохвально мнишь,
Нас щедро богаты своих творений тьмою,
Бессмертье отказать и справить за собою...

⁴⁷ Хвостов Д. И. Собр. соч., т. 6, с. 59; Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 209; Державин Г. Р. Соч., т. 3, с. 551.

Посмотрим, например, всеобщий слышен крик,
Что Сумароков был и есть всегда велик.
Но что им сделано? Сипав, Хорев, Семира —
Безделицы...
А Ломоносову с тобою лзя ль равняться?
Он не заставил нас ни разу рассмеяться
Бессмертных и живых картин свои огнем...

Фонвизин предстает в сатире как самовлюбленный писатель, «надутый самохвал», «великий браковщик достоинства людей», провозгласивший себя «старостой» и высшим авторитетом в литературе, хотя его собственный литературный багаж весьма скуден. Особенным нападкам подвергается монополия Фонвизина на какой-то особый «ум» («разум»).

Что же послужило поводом для такой необычной оценки и интерпретации образа писателя?

Тема «ума» и «глупости» действительно очень существенна для творчества Фонвизина.⁴⁸ Сохранился отрывок его стихотворения «К уму моему», начинающийся стихами:

К тебе, о разум мой, я слово обращаю;
Я более тебя уже не защищаю...⁴⁹

Но судя по содержанию отрывка, оно могло быть скорее ответом на памфлет Хвостова, чем поводом для него. Напомним также замечание Корберона, что Фонвизин «мнит себя большим умом». И все же в сатире речь идет не об язвительном уме Фонвизина вообще, а о каких-то его литературных суждениях.

Между тем в «Послании к творцу послания» Хвостова есть риторическое обращение, и в нем, как кажется, содержится намек на реальное сочинение, которое такие суждения содержало и которое имел в виду Хвостов.

Тебе противный ум насмешкою карай,
Ругайся над одним, другого презирай;
И омрача невежд главы своей парами,
Пиши послания и прозой, и стихами

(курсив мой. — В. С.).

Известные «послания» к слугам, к Ямщикову, «К уму моему» — стихотворные; послания «прозой» — это, видимо, фонвизинские письма из Франции, содержавшие крайне резкие и вместе с тем остроумные оценки европейских писателей, пользовавшихся огромным авторитетом в России.

Некоторые исследователи рассматривают сохранившиеся письма Фонвизина к родным (главным образом к сестре) и П. И. Панину как единый замысел, завершенное произведение,

⁴⁸ История русской литературы. Л., 1982, т. 1, с. 659—660.

⁴⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 1, с. 216. Далее ссылки по этому изданию в тексте с указанием тома и страниц.

называя их «записками первого путешествия».⁵⁰ Эта точка зрения основана на том, что такое заглавие письма получили в проспекте (объявлении) 1788 г. к невышедшему собранию сочинений Фонвизина; отчасти ее подкрепляют и сохранившиеся отрывки черновиков нескольких писем к Панину. И все же известные нам «Письма из Франции» не похожи на типичные для того времени «записки»; исходный текст и форма письма в данном случае не были литературной фикцией. Фонвизин сочинил их не постфактум, а в самом деле писал и отсылал в Россию во время самого путешествия; они имеют конкретных адресатов, даты и места отправления.

С другой стороны, это не документы узко бытового, личного содержания. Не будучи по крайней мере в первоначальном виде рассчитаны на публикацию, письма Фонвизина предполагали некоторый круг читателей, хотя и ограниченный, но более широкий, нежели семейный и дружеский, которому формально адресованы. Они писались с расчетом на рукописное распространение хотя бы некоторых из них, дававших обобщенную характеристику французской культуры и быта. Об этом свидетельствует некоторое количество имевшихся в обращении списков.

Отзывы Фонвизина о Франции и прежде всего ядовито-насмешливые, а иногда просто резкие характеристики французских писателей должны были поразить современников. Они прозвучали в то время, когда Франция еще оставалась центром мировой культуры, а французская литература — законодательницей вкуса и источником передовых идей. Отзвуки недоумения и несогласия с отзывами Фонвизина слышны еще в полемике Пушкина и Вяземского, зафиксированной в пометах на полях рукописи биографической книги о Фонвизине.⁵¹

Позиция Фонвизина при оценке западной культуры откровенно публицистична.⁵² Точки зрения Пушкина и Вяземского также были далеки от исторической объективности. В некоторых случаях Вяземский лучше, чем Пушкин, улавливал общий насмешливый тон, пронизывающий повествование русского наблюдателя-путешественника. С этим в письмах встречаешься неоднократно. Достаточно объективное и в целом уважительное описание чествования, устроенного Вольтеру в театре «Французской комедии», соседствует у Фонвизина в письмах к сестре с упоминанием имени писателя совсем в другом контексте.

«Что я называю его (Сен-Жермена. — В. С.) шарлатаном, конечно, не ошибаюсь: нахожу в нем много пречудного. Руссо твой в Париже живет как медведь; никуда не ходит, к себе никого

⁵⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 209—211. Реально путешествие 1777—1778 гг. было второй поездкой Фонвизина за границу. Название «первого» оно получило потому, что ранее писатель ездил с чисто дипломатическими, а не ознакомительными целями.

⁵¹ Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968, с. 79—87.

⁵² Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 224 и след.

не пускает. . . Мне обещали показать этого уroda. Вольтер также здесь; этого чудотворца на той неделе увижу. . . Из всех ученых удивил меня Д'Аламберт. Я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премеpзкую фигуру и преподленькую физиономию» (II, 438, 448).

Еще более критической оказывается извлекаемая из тех же писем общая оценка литературного мира Франции.

«Видел я здешних лучших авторов. . . Все они, выключая весьма малое число, не только не заслуживают почтения, но достойны презрения. Высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер. . . Не могу вам довольно изъяснить, какими скаредами нашел я в натуре тех людей, коих сочинения вселили в меня душевное к ним почтение» (II, 443—444).

Или вот как Фонвизин рассказывает о своем общении с французскими литераторами.

«Мармонтель, Томас и еще некоторые ходят ко мне в дом; люди умные, но большая часть вдали. . . Самолюбие в них такое, что не только думают о себе, как о людях достойных алтарей, но и бесстыдно сами о себе говорят, что они умом и творениями своими приобрели бессмертную славу. Помнишь, какого мнения был о себе наш Сумароков и что он о своих достоинствах говаривал? Здесь все Сумароковы: разница только та, что здешние смешнее, потому что вид на них гораздо важнее» (II, 450).

В параллельных письмах к П. И. Панину к подобным отзывам присоединяется тема «ученых вралей»; Фонвизин также подробно обыгрывает «остроумие» французов, которое котируется в обществе столь высоко, что стало почти чертой национального характера и заменяет во Франции и ум, и добродетель:

«Надобно отдать справедливость здешней нации, что слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю. . . Через слово *разум* по большей части понимают они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтобы она была управляема здравым смыслом. Сию остроу имеет здесь всякий без исключения, следовательно, всякий без затруднения умным здесь признается» (II, 463, 473).

Сама программа, внутренний стержень сатирических стихов Хвостова как бы заимствованы из письма Фонвизина к Панину от 14 июня 1778 г., в котором дается характеристика Парижа, его светской и интеллектуальной жизни, а также национального типа французов: «Разум их никогда на себя не обращается, а всегда устремлен на внешние предметы, так что всякий, *обращая на смех другого, никак не чувствует, сколько сам смешон*» (II, 474). Эта мысль проходит через все «Послание к творцу послания» применительно к самому Фонвизину. Вряд ли это простое совпадение, скорее прямое намерение и прямая цель памфлетиста. Хвостов использовал в «Послании» прием, широко распространенный в сатире XVIII в. Он заключается в том, что выбиралось какое-то сочинение, а затем по этой же схеме со-

ставлялся ответ так, что содержание его оказывалось обращенным против сочинителя оригинала. Таким образом строил Н. Н. Поповский свое «Возражение, или превращенный пети-метр» на «Епистола г. Елагина к г. Сумарокову», перефразируя стихи И. П. Елагина «Открытель таинства любовныя нам лиры». Обращение Поповского к Елагину начиналось строками: «Открытель таинства поносныя нам лиры, Творец негодныя и глупыя сатиры».⁵³ Ломоносов, отвечая на притчу Сумарокова «Осел во львовой коже», на тот же сюжет написал свою — «Свинья в лисьей коже». «Послание к творцу послания» представляет лишь несколько видоизмененный случай подобного «превращения» оригинала. Осмеивая нападение Фонвизина на авторитеты, Хвостов повторяет набор критических мнений, изложенных в письмах из Франции, использует форму «Послания к Ямщикову», берет отдельные фразы из того же послания и применяет все это к оценке личности и литературного творчества Фонвизина. Впрочем, в его сатире есть и более близкие ситуативные соответствия с письмами Фонвизина.

Как мы видели, Фонвизин, чтобы продемонстрировать сестре степень сомнения своих парижских знакомых-литераторов, сопоставляет их с Сумароковым. Хвостов, завершив насмешливое сопоставление «Кориона» и «Бригадира» с пьесами Сумарокова, далее обращается к его переводам из французской литературы (Битобе, Арно, Тома, Вольтер):

Но русские чета ль твоей великой славе?
Примеры лучшие возьмем в другой державе,
И узрим, каково для срама и стыда
Иностранникам от твоего труда.

Указывая на ошибки в переводах Фонвизина, Хвостов доказывает, что в них испорчен не только дух и стиль, но и смысл подлинников. Напомню, что среди этих переводов рассматривается и «Слово похвальное Марку Аврелию» того самого Антуана Тома, о котором, хотя несколько мягче, чем о его соплеменниках, но столь же снисходительно Фонвизин отзывался в письмах.

Как и в приведенных выше высказываниях Фонвизина, в сатире Хвостова немалое место занимает противопоставление пустого словесного остроумия истинному уму, только упрек этот, естественно, адресуется Фонвизину:

Слов острых наизусть ты знаешь лексикон.
Подумай, люди врут — о злоба! о измена! —
Что будто твоему он разуму замена...
Что цену знать всему дают прямое право
Наука, тонкой ум и рассужденье здраво;
Что не всегда bon-mot ума бывает знак;
Что молвит иногда гладенько и дурак,
И что не надобно наперелом натуре,
Считать за старосту себя в литературе.

⁵³ Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 2, с. 372, 384.

Замечание о «лексиконе острых слов» косвенно могло намекать на замысел Фонвизина перевести и издать по-русски «Словарь» Французской Академии; реклама этого, так и неосуществленного издания появилась в «Санктпетербургском вестнике» за 1778 г.⁵⁴

Хотя соответствия между письмами из Франции и «Посланием» существуют, ими, конечно, не исчерпывается содержание этой сатиры. Она — памфлет на Фонвизина-писателя в целом, а не на отдельное его произведение; изложенные в письмах из Франции литературные мнения — не единственный предмет нападков. Но полемика с ними задает основную тему памфлета — обвинение Фонвизина в неуважении к традиции и авторитетам.

Более близкие, чем приведенные выше, соответствия здесь вряд ли и были возможны. Стоявшая перед Хвостовым задача «перелицовки» осложнялась тем, что он в стихотворной сатире откликнулся на прозаический текст; даже не столько на текст, сколько на определенные суждения. К тому же, скорее всего, он не знал писем из Франции в полном объеме. Наиболее вероятно, что у него в руках были лишь наиболее любопытные отрывки из них, а может быть, он руководствовался чьим-то устным пересказом. Прямых ссылок на письма из Франции в сатире Хвостова нет и не могло быть. Во-первых, письма были все-таки личным документом; во-вторых, часть из них была адресована П. И. Панину, а касаться сильных покровителей Фонвизина не входило в намерения Хвостова. Отзвук опасений, которые его тревожили при сочинении сатиры, можно увидеть в «Возражении» анонима: «... с тех пор как решились вы свое послание выпустить, носите на себе презрительный вид в беду попавшего труса».⁵⁵

«Послание к творцу послания» получило довольно широкий литературный резонанс. Сатиры, построенные по образцу его, встречаются среди рукописных произведений, например анонимное «Послание к Брюзгину», начинающееся обращением: «Зерцало честности и разума пример, Великий златоуст, лейб-гвардии офицер!»⁵⁶ Отразилось оно и в «Лирико-дидактическом послании» Н. П. Николева (1796, первая редакция 1791 г.) в той его части, где речь идет о несостоятельных критиках истинно вдохновенного творчества:

О, вы, бракующи творцов
Иль дара их произведенья,
Желаючи себе венцов
От остроумного сужденья!⁵⁷

⁵⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 701—702 (комментарий Г. П. Макогоненко).

⁵⁵ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина, с. 279.

⁵⁶ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX вв. Л., 1959, с. 582.

⁵⁷ Николев Н. П. Творения. СПб., 1896, т. 3, с. 140.

И есть основания думать, что фразеологические совпадения (браковщик; остроумие взамен ума) не случайны у Николева. В своем обширном стихотворном литературно-теоретическом трактате, снабженном не меньшим по объему количеством примечаний, Николев сводил счеты с литературными недругами, старыми и новыми. В числе старых был и Фонвизин. Характерно, что в числе других авторов, также не названных в «Лиро-дидактическом послании» по имени, Николев продолжил здесь яростные нападки на уже покойного Я. Б. Княжнина. Указанная запоздалая реминисценция у Николева — отзвук борьбы, которую вел против Фонвизина николевский кружок в те же годы, когда появилась сатира А. С. Хвостова.

В эпиграммах, сатирах и посланиях самого Николева нет упоминаний о Фонвизине. Зато неприязненные отзывы проскальзывают в сочинениях его ближайшего друга князя Д. П. Горчакова. В ранних «Святках» (начало 1780-х гг.), своеобразной трансформации французского святочного «ноэля», он в соседних куплетах свел А. С. Хвостова и Фонвизина.

За оным приближался
С посланием Хвостов,
Младенец (Христос. — В. С.) испужался
Его обиняков —
Вскричал: «Не тронь меня! тебя я не замаю!»
— «Не бойсь, — сказал ему Хвостов, —
Я только лишь одних скотов
В стихах моих караю».

По только лишь ввалился
Фон Визин, вздернув нос,
Тотчас отворотился,
Заплакавши, Христос
И ангелам сказал: «Зачем его впустили?
Моим писащем он шутил,
Так вы б его, лишь он вступил,
К ослу и проводили».⁵⁸

Для современников связь между шуткой Горчакова и упомянутым им хвостовским «Посланием» была ясна, поскольку там также содержался выпад по поводу цитирования Священного писания в «Бригадире» («А ты часть Библии в комедию вместил»). Совпадает и общая оценка места Фонвизина в ряду современных писателей. Вместе с Капнистом и другими «бездарными» авторами Горчаков отправляет Фонвизина «с ослом иметь приязнь и обхождение».

Сведения об участии николевского кружка в литературной борьбе отрывочны и малоисследованы.⁵⁹ По отношению к Фонви-

⁵⁸ Поэты-сатирики, с. 91—92.

⁵⁹ Арзуманова М. А. Из истории литературно-общественной борьбы 90-х годов XVIII в. (Н. П. Николев и Н. М. Карамзин). — Вестник ЛГУ, № 20. Серия языка и литературы, вып. 4, с. 73—83; см. также: Учен. зап. ЛГУ, 1968, № 339. Серия филологическая, вып. 72, с. 208—214

зину мы знаем мнения только одной стороны: суждения Фонвизина о своих противниках неизвестны. Возможность несколько детализировать картину дают письма Горчакова, связанные с первыми постановками «Недоросля».

Д. П. Горчаков ушел в отставку из армии и поселился в Москве как раз в тот момент, когда туда же к московской премьере своей комедии приехал и Фонвизин. В письме Д. И. Хвостову от 28 мая 1783 г. Горчаков сообщал свежее впечатление о спектакле.

«Теперь должен я тебе, любезный друг, объявить о здешних новостях.

Из ваших петербургских стран
Приехал к нам Денис-тиран,
Однако же не сиракузский,
А чисто наш учитель русский.

Он здесь многое бранит, его многие не слушают; итак, все разошлись по своим. Здесь был игран „Недоросль“ и принят, как должно недорослю. Может быть, оттого, что здесь народ простой и всякую вещь принимает по ее имени, не в состоянии будучи догадаться, что она хороша».⁶⁰

Тут же Горчаков сообщает петербургскому адресату о блистательном успехе трагедии Николева «Пальмира», которую в отличие от «Недоросля» зрители приветствовали овацией, и прилагает собственные стихи «на сей случай». В этом панегирическом послании к Николеву он касается и враждебной критики на его пьесу:

Но вспомни, что Вольтер от зависти терпел;
Престань, любезный друг, престань сему дивиться;
Судьба худых творцов, чтоб завистью кипеть:
Кто с музами достиг лишь только покумиться,
Тот ближней их родни не может и терпеть.⁶¹

Отзыв Горчакова находится в резком противоречии с сообщениями об огромном успехе авторского чтения комедии в доме московского почт-директора Б. П. Пестеля, постановке в доме Апраксиных, на публичном театре — и явно несправедлив. В течение сезона 1783 г. «Недоросль» прошел в Москве восемь раз.⁶² Но он любопытен как звено в полемике вокруг Фонвизина. Прежде всего он заострен против триумфа пьесы в столице. Противопоставление «здесь народ простой» подчеркивает независимость московского литературного мнения, свободного от влияния «знатоков», литературных клакеров. Заключительные стихи из послания показывают, что Фонвизин в Москве допустил какие-то критические выпады против Николева. То, что под «завистником» Горчаков подразумевал Фонвизина, становится по-

⁶⁰ ПД, ф. 322, № 60, л. 102—103. Эпиграмма на Фонвизина опубликована Г. В. Ермаковой-Битнер в кн. «Поэты-сатирики», с. 165.

⁶¹ ПД, ф. 265, оп. 3, № 9, с. 445.

⁶² Пигаре в К. В. Творчество Фонвизина, с. 209—212.

нятно при сопоставлении их с заключительными стихами «Послания к творцу послания», обращенными к Фонвизину и его поклонникам:

Они рекут, плетя из лавр тебе корону,
Что мало для тебя быть другом Аполлону;
И мня, что требует иных титл едкий ум,
Воскликнут: «Музам ты, по крайней мере, кум!»

Кум — слово, изменившее теперь свое значение. Кумовьями (см. словарь В. И. Даля) считались восприемники, крестные отец и мать, по отношению к семье крестника и между собой. С концовкой «Послания» Хвостова связан не вполне точно переданный в книге П. А. Вяземского анекдот о Фонвизине: «При чтении сатиры... в которой он назван *кумом Миневры* (нужно: Муз. — В. С.), отражает он стрелу в самого насмешника и говорит: „Может быть; *только наверное покумился я с ними не на крестинах автора*“». ⁶³ «Стрела», которую отражал Фонвизин, была скрытым каламбуром. По популярным мифологическим представлениям XVIII в., Дионис (Вакх, бог веселья и шуток) родился из бедра Зевса и был воспитан Музами (иногда Нимфами). Дионис считался родоначальником драматических представлений; трагедии и комедии впервые стали разыгрываться на «дионисиях», празднествах в его честь. Покровительницами этих видов драматического искусства стали две из сестер Муз — Мельпомена и Талия. Имя Денис — русское производное от Дионисия. С другой стороны, кумовство — это всего лишь отдаленная и случайная степень свойства.

Спустя несколько месяцев, в самом конце 1783 г. Горчаков вновь возвращается к задевавшему его, по-видимому, вопросу о значении фонвизинской комедии. В обширное письмо к тому же Д. И. Хвостову он включает рассуждение о непрочности литературной славы, в котором, в частности, пишет: «Столько людей берутся учить или по крайней мере смешить род человеческий; иные добиваются успеха в этом последнем деле, но в ущерб себе... Публика строга. Фальшивые дарования могут ввести ее в заблуждение, но рано или поздно их низводят до действительной цены. Подтверждение — Денис-Тиран: изо всей его известности не останется ничего, кроме его очков». ⁶⁴

«Денис-тиран» Д. П. Горчакова — откровенный каламбур, спроецированный на цикл преданий о сиракузском тиране Дионисии-старшем. Полуполюгендарные сведения о нем были хорошо известны читателю XVIII в. по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, по сочинениям Диодора Сицилийского и Диогена Лаэртца. В виде исторических примеров и анекдотов они вошли также в круг популярного чтения эпохи.

Горчаков в своей эпиграмме имеет в виду литературную репутацию Дионисия: могущественный властитель, он бездарно

⁶³ Вяземский П. А. Фонвизин, с. 165.

⁶⁴ ПД, ф. 322, № 60, л. 98—99. Подлинник по-французски.

выступал на поприще трагического поэта, но несмотря на это, упорно добивался поэтической славы. Об этой его слабости обстоятельно рассказывает Монтень в «Опытах» в главе «О самоубийстве», впрочем, вообще широко используя в своей моралистической аргументации примеры из колоритной биографии Дионисия. Здесь излагаются свидетельства об осмеянии поэм Дионисия в Олимпии, хотя их декламировали лучшие актеры, и о «триумфе» тирапа после представления в Афинах его трагедии, когда он одержал победу «несправедливо и при помощи подкупа над более одаренными, нежели он, трагическими поэтами. . . Тотчас после этой победы он умер, и это произошло отчасти от охватившей его безмерной радости». Указывает Монтень и на свойственную Дионисию литературную зависть: «. . . не будучи в состоянии сравниться в искусстве поэзии с Филоксеном и в красноречии с Платоном, одного приговорил к работам в каменоломнях, а другого велел продать в рабство на остров Эгину».⁶⁵

Сходную характеристику Дионисия-писателя дает и Ш. Роллен в «Древней истории», которая в переводе В. К. Третьяковского долго служила для русского общества своего рода энциклопедией античности: «Что в Дионисии достойно смеха, то сие есть, что он мнил себя в том (поэзии. — В. С.) превосходным, и выше всех других. Он не мог терпеть ни в чем ни вышшаго, ни равного. . . Словом, он был тиран во всем. Сей дух господствования и повеления, кои он имел по своей отменной власти, был одною из причин пребезмерного любления, какое в нем было к собственному своему достоинству».⁶⁶

Слепое предубеждение Горчакова, что комедия Фонвизина — явление недолговечное, скоропреходящее, нельзя объяснить однозначно. Оно сложилось под влиянием нескольких причин. С одной стороны, начинающий поэт многое видел глазами старшего товарища и поэтического наставника Николева, который был оскорблен отзывом Фонвизина о «Пальмире». Но самым главным обстоятельством, вызывавшим несогласие с Фонвизиним, были расхождения эстетические. И Горчаков и другие участники николевского кружка оставались в рамках классических представлений о «высоком» предмете литературы и о «прекрасной», образованной искусством природе. Сатира и юмор Фонвизина казались Горчакову не соответствующими высокому учительному назначению литературы и оскорбительными для общества. Реальная комедия Фонвизина с почти натуралистическими сценами не укладывалась в эти представления. Отсюда у Горчакова, как и в случае с «Недорослем», появляется и осуждение комической оперы Аблесимова «Мельник-колдун»: нападки на просторечную

⁶⁵ Монтень М. Опыты. 2-е изд. М., 1979, т. I, с. 69, 565; т. II, с. 130—131. Возможно, в кругу этих ассоциаций следует рассматривать известную реплику Г. А. Потемкина по поводу «Недоросля»: «Умри, Денис, или больше ничего уже не пиши». (Вяземский П. А. Фонвизин, с. 141). Ср. также басню Хемницера «Дионисий и министр его».

⁶⁶ Роллен Ш. Древняя история. СПб., 1760, т. V, с. 150.

речь персонажей, осмеяние лошади, выведенной на сцену, и т. п.⁶⁷ В этом Горчаков был не одинок. Эпиграммой, отражающей недовольство сценической грубостью, откликнулся на постановку «Недоросля» также И. Ф. Богданович.

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба непригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.⁶⁸

К началу XIX в. Горчаков приобрел известность наиболее крупного для своего времени поэта-сатирика. Однако при всей обличительной резкости его поэзии, главным образом по этой причине не попавшей в печать и оставшейся в рукописях, он не вышел за пределы жанра классической сатиры, хотя и внес в него значительные изменения. А. С. Хвостов также до конца дней остался поклонником поэзии Ломоносова. В 1783 г. он обругал О. П. Козодавлева за ошибки в издании сочинений Ломоносова («Кем изуродован, как бабкой повивальной, Малгерб российских стран, пресладостный певец»). Ему принадлежит «Надпись к дому великого Ломоносова»; на высший авторитет Ломоносова он ссылался в споре с Державиным о пиррихиях в русских стихах.⁶⁹

Знакомство А. С. Хвостова и Д. П. Горчакова скорее всего состоялось много позднее рассмотренных полемик, под Измаилом, в штурме которого Хвостов участвовал полковником, а Горчаков — волонтером. Оно завершилось литературным сближением. Позднее оба писателя оказались в числе «пишковистов», организаторов «Беседы любителей русского слова». Яркую зарисовку литературного быта этого консервативного содружества оставил в «Записках современника» С. П. Жихарев. На заседании в доме А. С. Шишкова 3 февраля 1807 г. он был чтецом-декламатором послания Горчакова «К Честону. О клевете» и в дневниковой записи дал оценку устаревающей, но еще живой поэтической традиции с точки зрения младшего современника.

«Послание... немножко длинновато, и стихи идут попарно вереницею, бьют в такт, как два молота об наковальню, но в них местами довольно силы и есть мысли — читать можно. Все слушали с большим вниманием, и по окончании А. С. Хвостов ска-

⁶⁷ О полемике вокруг комических опер Николева, Аблесимова, Княжина см.: Степанов В. П. К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов»). — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 131—140.

⁶⁸ Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957, с. 166.

⁶⁹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1882, т. 6, с. 33—34; Известия ОРЯС, 1928, т. 1, кн. 1, с. 157; Державин Г. Р. Соч., т. 3, с. 343.

зал, кивая на князя Горчакова, с которым, как видно, он исстари дружен: „Это наш Ювенал“». ⁷⁰

Споры о Фонвизине в 1777—1783 гг. позволяют яснее представить общественную обстановку, в которой создавался «Недоросль», и показывают, что признание новаторских заслуг Фонвизина проходило совсем не гладко. Они являются предысторией редко публицистических печатных выступлений писателя, на которые он в конце концов решается на страницах «Собеседника любителей русского слова» в 1780-е гг.

⁷⁰ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955, с. 351.

В. А. ЗАПАДОВ

РАБОТА Г. Р. ДЕРЖАВИНА НАД «РАССУЖДЕНИЕМ
О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ»*

«Рассуждение о лирической поэзии, или об оде» — итоговое литературно-теоретическое произведение Г. Р. Державина — разделило общую драматическую судьбу рукописного наследия поэта.

Печатание трактата было начато в «Чтении в Беседе любителей русского слова» в 1811 г. (кн. 2) и продолжено в следующем году (кн. 6). Затем публикация последовательного текста прервалась. Лишь в 14-й книге (1815 г.) появились фрагменты из очередной части «Рассуждения», предваренные авторской заметкой:

«Почтенные посетители благоволили слышать рассуждения мои в 1-й и 6-й книжке „Чтения в Беседе любителей русского слова“ о древней и средних веков лирической поэзии. По порядку теперь должно бы говорить о новейшей, то есть: о *кантаге, оратории, сонете, мадригале, триолете, рондо, серенаде, опере, балладе, стансе, романсе и простой песни*, в чем они различествуют между собою и что в них сочинители наблюдать должны; но как это более относится к классическому наставлению учеников и навело бы, может быть, скуку, то предоставляя себе такое рассуждение напечатать вообще в особой книжке, здесь скажется только об *опере*, а паче героической, каковых природных еще почти у нас нет, и также о самом последнем степени лиры, т. е. о *простой песни*, в чем она разнится с одою; ибо о сих обоих

* В Приложении публикуется 3-я часть этого трактата Г. Р. Державина.